

Н.С. Васиховская

Тюменский государственный университет

Памятники византийской литературы как источники Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика

Повседневность — как одно из направлений исторического процесса — находится в центре внимания отечественных и зарубежных историков. Исследователи изучают повседневность самых разных социальных групп, среди которых не последнее место занимает монашество. Хотя, если говорить о монашестве домонгольской Руси, то здесь все внимание исследователей должно быть приковано к хорошо известным источникам, так как нет оснований рассчитывать на открытие каких-либо иных, неизвестных ранее литературных памятников. Из-за удаленности объекта исследования во времени и пространстве большие возможности дают новые методы изучения и интерпретации уже известных исторических источников. В основе всего — стремление не только объяснить, но и понять исторический процесс через организацию диалога историка с источником.

Дополнительные коррективы в работу исследователя внесло представление о письменном источнике как цельном тексте, имеющем некий замысел, так или иначе воплощающийся в каждом фрагменте. Именно замысел служил своеобразным фильтром, через который автор источника отбирал сведения, подлежащие фиксации в создаваемом им тексте, а также влиял на форму их фиксации. В этой связи применение метода герменевтического анализа является едва ли не основным для выявления прямых и косвенных цитат, используемых автором произведения для подкрепления и развития своего замысла, а также выяснения их происхождения. Применительно к изучению и интерпретации летописного наследия домонгольской Руси подобный метод широко используется И.Н. Данилевским¹.

Герменевтический анализ может быть плодотворным и в отношении памятников агиографии, к которым относятся Житие Феодосия Печерского и Киево-Печерский патерик. Каждое из этих произведений имеет свою структуру, замысел, идейную направленность. Их изучение с помощью герменевтического подхода, как и в случае с Повестью временных лет, позволит нам обнаружить скрытые концепты, смыслы, которыми руководствовались авторы Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика, а также определить различные параллели, текстуальные совпадения сюжетов указанных выше произведений с другими литературными сочинениями, которые прямо или косвенно использовались в качестве источников и образцов для написания текстов.

Одним из способов использования переводных произведений авторами Киево-Печерского патерика и Жития Феодосия Печерского являются так называемые отсылочные сравнения. В

Наталья Сергеевна Васиховская, аспирант кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета, занимается изучением монашества домонгольской Руси. E-mail: Vasichovskaya@rambler.ru

¹ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004.

Киево-Печерском патерике, в сказании о начале Печерского монастыря, автор, сравнивая известность Антония Печерского со славой Антония Великого, пишет: «И прослу, якоже и великий Антоний»². Подобное сравнение могло быть дано для нравственной оценки личности Антония Печерского и его заслуг в появлении и распространении монашества на Руси: «Иди на Русь, яко от тебе мнози черньци бытии имуть»³. Наличие подобного фрагмента в патерике указывает на использование Жития Антония Великого — основателя монашества в Римском Египте.

В другом фрагменте Киево-Печерского патерика упоминается Житие Феодосия Великого: «Радуйся, отцем наставникъ бывъ, их же последоваше учению и нраву и въздръжанию и божественному въ молитве их предстоянию, паче же ревноваше Великому Феодосию, обычаем и житием подобеся житию его и последствуя пребыванию его, преходя от дела въ труды, обычныя мольбы къ богу въдаа въ воню благоухание принося кадило молитвенное, фимьямъ благовонный»⁴. Вновь прибегая к методу отсылочного сравнения, автор патерика уподобляет Феодосия Печерского — «началника русским мнихом» — Феодосию Великому — устройтелю общежития палестинского монашества, тем самым подчеркивая преемственность традиций монашеской жизни.

В домонгольской Руси был известен и славянский перевод Жития преподобного Саввы Освященного — основателя палестинского монашества. В Житии Феодосия Печерского, в рассказе о жизни и подвиге Феодосия, Нестор ссылается на перевод этого текста: «И се паки подобно есть рещи яко пишеться таково о святемъ и велицемъ Савве»⁵.

Помимо переводных житий, авторами Киево-Печерского патерика достаточно широко использовались жития местночтимых святых — Антония и Феодосия Печерских. По тексту патерика можно проследить не менее четырех упоминаний и отсылочных цитат к этим житиям. Первое из них находим в Слове «Об основании церкви Печерской». Рассказывая о знамениях, сопровождавших выбор места для начала строительства главного монастырского храма, автор Патерика пишет: «Въ житии бо святаго Антониа сего пространнее обрящеши. Въ Феодосиеве же житии всем явлена суть»⁶. В Слове «О святом Афанасии затворнике» автор, в случае, если у читателя возникнут какие-либо сомнения в истинности описания жизни святого, призывает обратиться к житиям Антония и Феодосия: «Аще ли кому неверно мнится и написание, да почтет жития святых, отец наших Антония и Феодосия, началника русским мнихом»⁷.

Сведения о Моисее Угрине и о гонениях на черноризцев в Польше, автор патерика, вероятнее всего, почерпнул из этих же источников, так как он пишет: «Се же вписано есть в Житии святаго отца нашего Антониа, еже о Моисее.<...> Помянух же и чернеческое изгнание в Лясах.<...> Сие же вписано есть в Житии святаго отца нашего Феодосия»⁸. Здесь же упоминается еще один источник — «Летописец». Очевидно, что, рассказывая о гонениях на монахов в Польше, автор патерика заимствовал необходимые ему факты из некоей летописи, которая велась при монастыре и прямо пишет об этом: «И бысть мятежь великъ въ всей Лядской земли, яко же в Летописци поведаеть»⁹.

Последняя отсылка к Житию Антония встречается в патерике в Слове «О киево-печерских монахах Феодоре и Василии», где передается история появления варяжского клада в одной из монастырских пещер: «Въ Житии святаго Антониа поведаеть, Варяжский поклажей есть, полеже съсуди латиньстии суть, и сего ради Варяжская Печера зоветься и доныне»¹⁰.

Косвенным подтверждением использования Жития Антония Печерского может служить и легенда о начале Киево-Печерского монастыря, которая практически повторяет летописную статью 1051 г., за исключением одного фрагмента. Из текста патерика следует, что Антоний

² Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 436.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 448.

⁵ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 416.

⁶ Киево-Печерский патерик. С. 422.

⁷ Там же. С. 498.

⁸ Там же. С. 552.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 582.

дважды приходил на Русь. Первый раз — «въ княжение самодръжца Русскыа земли, великаго князя Владимира Святославича»¹¹, когда он по настоянию игумена Афонского монастыря «приде въ град Киевъ». Обойдя монастыри и не зная, где поселиться, он «обреете пещеру» в окрестностях села Берестова «и вселися в ию, юже беше ископали варязи»¹². Однако, когда после смерти Владимира Святославича власть в Киеве захватил Святополк, Антоний покинул свою пещеру и «паки бежа въ Святую гору»¹³. Наличие подобного фрагмента в Киево-Печерском патерике и его отсутствие в летописной статье 1051 г., а также повторение летописной статьи в составе патерикового сказания дает нам основание считать, что при составлении патерика автором в качестве источников были использованы Повесть временных лет «Летописец» и утраченное ныне Житие Антония Печерского.

На использование последнего может указывать и еще один фрагмент из этого же сказания. Согласно патерику, Антоний смолоду хотел стать монахом и с этой целью отправился в Византию, желая принять постриг в одном из афонских монастырей: «Некый благочестивый муж от града Любеча еже въ нь измлада вселися страх божий, желааше же въ иноческий облищися образъ. Господь възложи ему ити въ страну Гречьскую и тамо острышися»¹⁴.

Если верить автору Повести временных лет, путешествие Антония на Святую гору было случайным, так как он любил «странничать», а цели принять иноческий образ у него не было. Только во время самого путешествия, после осмотра всех монастырей, он полюбил монашество и принял постриг: «Некый человекъ именемъ мирьскимъ, от града Любеча; и възложи иму богъ въ сердце въ страну ити. Он же устремися въ Святую гору, и виде ту монастыри сушая, и обиходивъ, възлюбивъ чернечьский образ, приде въ монастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьский»¹⁵.

Это разночтение может быть истолковано двояко. Во-первых, оно может указывать на то, что летописец не был достаточно осведомлен о жизни Антония Печерского. Во-вторых, можно говорить об использовании в качестве одного из источников Киево-Печерского патерика Жития Антония Печерского, так как отрывок, помещенный в патерике, более подробный, и содержит фразу, которая обычно используется как клише при описании жизненного пути святого: «Еже въ нь измлада вселися страх божий, желааше же въ иноческий облищися образъ»¹⁶.

На «Лествицу» Иоанна Лествичника ссылаются Симон и Поликарп в Киево-Печерском патерике: первый — в повести о Николае Святоше: «Но что пишетъ блаженный Иоанъ иже въ Лествици»¹⁷, второй — в повести о Феодоре и Василии: «Яко же рече Лествечникъ»¹⁸.

Нередко авторы патерика и Жития Феодосия Печерского косвенно цитируют текст источника, излагая его своими словами. Это можно сказать в отношении греческих патериков, существовавших в домонгольской Руси в славянском переводе и явно используемых древнерусскими книжниками при составлении собственных произведений. Во вступлении к Житию Феодосия Печерского Нестор пишет: «И се же чюдъни, якоже пишетъ въ отчьскихъ кънигахъ: “Слабу бытии последьнему роду”»¹⁹. Владимирский епископ Симон в послании к черноризцу Печерского монастыря Поликарпу писал: «Ты же, брате, не днесь похваляя лежащихъ на трапезе, и утро на варящего и на служащаго брата ропщеша, и сим старейшине пакость твориши, и обрящешися мотыла ядый, яко же въ отечнице писано. Егда бо виде онъ старецъ хулящихъ брашно мотыла ядущихъ, а хвалящихъ — мед ядуши, яко же бо провиде тѣжде старецъ различна брашномъ»²⁰. В повести о преподобном Святоше говорится: «Послушай

¹¹ Киево-Печерский патерик. С. 432.

¹² Там же. С. 434.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы IX — начало XII в. М., 1978. С. 170.

¹⁶ Киево-Печерский патерик. С. 434.

¹⁷ Там же. С. 506.

¹⁸ Там же. С. 570.

¹⁹ Житие Феодосия Печерского. С. 352.

²⁰ Киево-Печерский патерик. С. 476–478.

блаженнаго Евагрия: «Мних, аще съгрешить, праздника на земли не имать... Будучи подражатель святыхъ отецъ, де не будещи лишень божественная славы тоя»²¹. В этих словах делается ссылка на патерик. В повести о черноризце Арефе Симон пишет: «И аще бы се было мало, не бы онъ старецъ, иже в Патерице молиться богови, да придут на нь разбойници и вся его възмут: услышан же бывъ, и вся суща в руце их предасть»²². Поликарп в сказании о преподобном Марке-Пещернике говорит: «Древних убо святыхъ подражающее мы грешнии писанию, еже они изъясниша и многимъ трудомъ взыскаша въ пустыняхъ и горахъ и пропастьехъ земныхъ; и инехъ убо сами видевшее, инехъ же слышавшее жития и чудеса и деания, еже есть Патерикъ, в томъ же сложыше и сказаха о нихъ отци, еже мы почитающее, наслаждаемся духовныхъ техъ словесъ»²³.

В сказании Киево-Печерского патерика «Что ради прозвася Печерский монастырь» в качестве одного из источников упоминается фрагмент рукописи Студийского устава, древнерусский перевод которого в редакции константинопольского патриарха Алексея сохранился в списке XII в. Устав озаглавлен следующим образом: «Оуставъникъ расматрй о брашне и о питии мнихомъ и о всяцемъ иномъ чиноу и о пребываниихъ и въ церкви и въсьде оуставленъ. Къгда чистымъ подвижникомъ приимати пищу и съ кацемъ добротинствомъ и оутворениемъ и времена разделяти и научити въ коеждо сихъ подобное требование. И о прочемъ устроении мнихомъ въ цркъвей же слоужбе и въсьде по чиноу... Къгда и како подобаетъ въходить въ трапезьницу и о всякомъ чиноу иже на обеде»²⁴. То место Жития Феодосия Печерского (и Повести временных лет), где Нестор говорит о введении Студийского устава, по сути, является парафразом приведенного выше фрагмента: «И уставы въ монастыри своемъ како пети пеня монастырская, и поклонъ какъ держати, и чтеня почитати, и стояние в церкви, и весь рядъ церковный и на трапезе седанье, и что ясти в кыя дни»²⁵.

Своеобразным источником служили устные монастырские предания. Так, авторами Киево-Печерского патерика среди таковых названы рассказы «святыхъ блаженныхъ старецъ»²⁶. Факты о жизни игумена Феодосия автор одноименного жития также черпал из устных рассказов «древнихъ отецъ» — келаря монастыря Федора: «Се же житие блаженнаго отца нашего Феодосия отъ вѣрсты до сѣде, дондеже прииде въ Печеру, мати же его споведа единому от братия, именовъ Феодору, иже бе келарь приотъци нашемъ Феодосии»²⁷, монаха «именемъ Иларионъ»²⁸, «повозника», «некоего человека»²⁹.

В качестве источника авторы Патерика называют «Летописецъ»³⁰. Возможно, этим и объясняется столь большое количество заимствованных из Повести временных лет сюжетов, встречаемых на страницах Киево-Печерского патерика, особенно когда речь идет о ранней истории монастыря. Так, в слове о том, когда была основана Печерская церковь, находим практически дословное повторение летописной статьи под 1073 г.:

Киево-Печерский патерик:

«Основана же бысть сия божественная церкви богородичина в лето 6581.

Въ дньи благовернаго князя Святослава, сына Ярославля, нача здатися церкви сия, иже своима рукама наче ровъ копати»³¹.

Повесть временных лет:

«Въ се же лето основана бысть церкви Печерская игуменомъ Феодосьемъ и епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгию тогда сущю въ Грецехъ, Святославу Кыеве седящю»³².

²¹ Киево-Печерский патерик. С. 506.

²² Там же. С. 512.

²³ Там же. С. 562.

²⁴ Устав Студийский по списку XII века (фрагменты) // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 144.

²⁵ Повесть временных лет. С. 174.

²⁶ Киево-Печерский патерик. С. 508.

²⁷ Житие Феодосия Печерского. С. 368.

²⁸ Там же. С. 394.

²⁹ Там же. С. 392.

³⁰ Подробнее см.: Киево-Печерский патерик. С. 552.

³¹ Киево-Печерский патерик. С. 422.

³² Повесть временных лет. С. 196.

В патерике в слове «О святом жертвеннике и об освящении той великой церкви божьей матери» находим фрагмент летописной статьи 1089 г.:

Киево-Печерский патерик:

«Священа бысть церкви Печерская в лето 6597, въ пръвое лето игуменьства Иоанова»³³.

Повесть временных лет:

«Священна бысть церкви Печерская святыя Богородици монастыря Феодосьева Иоаномъ митрополитомъ, и Лукою Белгородскимъ епископомъ, Исаиемъ, Черниговьскимъ епископомъ, при благороднемъ князи Всеволоде, игумменьство держащу Иоанну»³⁴.

Слово о перенесении мощей Феодосия Печерского, по сути, объединяет в себе ряд известий Повести временных лет: статью о перенесении мощей игумена под 1091 г. и известие 1108 г. о включении имени святого Феодосия Печерского в Синодик³⁵. Еще один пример находим в слове Киево-Печерского патерика о первых черноризцах печерских. Здесь в несколько измененном виде передается содержание летописной статьи под 1074 г. В составе Патерика единый летописный сюжет оказался разделен на два самостоятельных слова. В одном — «О святых блаженных первых черноризцах печерьских, иже в дому пречистыа божиа матерее въ божественных добродетелех просиявших, въ пощении же и въ бдении и въ прорицании дара, въ святем монастыри печерском» — говорится о Дамиане, Иеремии, Матфее, а рассказ об Исакии авторами Патерика вынесен в отдельное слово: «О преподобьнемъ Исакие печерьнеце»³⁶.

Большое значение для авторов Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика имела Священная история — вневременная и постоянно заново переживаемая в реальных, «сегодняшних» событиях ценность. Событие существенно для них постольку, поскольку оно являлось со-Бытием. Отсюда следовал и способ описания — через прямое или опосредованное цитирование Библии. Самой простой и наглядной формой, в которой библейские тексты и сюжеты присутствуют в Патерике и Житии, является прямое цитирование Библии. Однако в отличие от Повести временных лет, где в подавляющем большинстве случаев летописец цитирует книги Ветхого Завета, авторы Киево-Печерского патерика и Жития Феодосия Печерского в качестве главного источника используют новозаветные сюжеты. Это можно объяснить назидательным характером Патерика и Жития, так как слова Евангелия носят, прежде всего, поучительный характер. С другой стороны, известно, что предпочтение ветхозаветных книг новозаветным в Киево-Печерском монастыре подвергалось осуждению.

Примером тому может служить фрагмент патерика о Никите-затворнике. Согласно сюжету, «не можаше же никто же истязатися с ним книгами Ветьхаго закона, весь бо изоустъ умеаше: Бытие, и Исход, Левгыты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчьства по чину, и вся книги жидовьскыа сведаше добре. Еуагелия же и Апостола, еже въ благодати преданныя нам святыа книги, сих николи же въсхоте видети, ни слышати, ни почитати, ни иному дасть беседовати к себе»³⁷. За знание этих книг Никита был обвинен в ереси, «яко прельщен есть от врага».

Нельзя исключать и стремления Нестора и других книжников Древней Руси провести параллель между первыми печерскими монахами и апостолами. Для этого ими используется, главным образом, прием отсылочного сравнения. Одно из них находим в Житии Феодосия Печерского: «Веливый Никонъ и другый чьрньць святаго Мины монастыря, болярина тако наречемъ, <...> якоже и апостола Павль и Варнава»³⁸. Скорее всего, в этом случае сравнение с апостолами потребовалось для того, чтобы разъяснить читателю некоторые подробности из

³³ Киево-Печерский патерик. С. 430.

³⁴ Повесть временных лет. С. 218.

³⁵ Подробнее см.: Киево-Печерский патерик. С. 440–446. Ср.: Повесть временных лет. С. 220–224, 274.

³⁶ Подробнее см.: Повесть временных лет. С. 196–204. Ср.: Киево-Печерский патерик. С. 469–472; 606–614.

³⁷ Киево-Печерский патерик. С. 518.

³⁸ Житие Феодосия Печерского. С. 374.

жизни двух печерских монахов, которые решили покинуть начавший разрастаться к тому времени монастырь и «хотяша особе сести. И пришедъша надъ море, ту же и разлучитися отъ себе, якоже и апостола Павль и Варнава на проповедание Христовов, якоже пишеться въ Деянияхъ апостола. Боляринъ же идый къ константиноу граду, обреете островъ средь моря и ту въселися въ ньмь. Великий же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскый, и ту орете место чисто близъ града, седе на немъ»³⁹. По смыслу и стилевому оформлению этот фрагмент Жития Феодосия Печерского практически не отличается от евангельского сюжета: «Павел и Варнава разлучились друг с другом. Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр. А Павел, избрав себе Силу, отправился быв поручен братьями Благодати Божией, проходил Сирию, утверждая церкви»⁴⁰.

В Киево-Печерском патерике находим сравнение такого типа: «Феодосий прихождаше, яко Моисей с горы Синайской»⁴¹. В патерике это сравнение дополнено следующим разъяснением: «И егда приспеваше великий постъ, тогда Феодосие всех земных вещей гнушались, исхожаше от братии и в пещере единъ затворяшеша, и тамо всю четверодесятницу пребываше и единъ къ единому молитвою беседоваше. <...> И егда приближаше светлый день въскресения господя прихождаше, яко Моисей с горы Синайския»⁴². Как Моисей на горе Синайской удостоился божественного откровения, получив от ангела некие «живые слова», так и Феодосий, по мнению авторов Патерика, посредством уединенных молитв во время великого поста общался с богом и таким образом тоже получал некое божественное откровение, и как Моисей нес новое знание «сынам Израилевым», так Феодосий — монахам.

Уподобление монахов апостолам, а в некоторых случаях и самому Христу, пожалуй, ярче всего проявилось на страницах Киево-Печерского патерика. Многие из монашествующей братии в словах патерика наделены теми же способностями, что и ученики Христа: «Таковы вот чудные мужи в том Печерском монастыри быша, иже мнози от них апостолам причастницы быша и престоломъ ихъ наместницы»⁴³. Монахи врачуют больных, изгоняют бесов только с помощью слова и веры. Показательна в этом отношении фигура Алимпия-иконописца, который «Христу бо уподобися якоже бо господь прокаженаго исцеливъ»⁴⁴.

В Житии Феодосия Печерского, в тех сюжетах, где святой игумен поучает или наставляет братию истинно монашескому образу жизни, явное предпочтение отдается Евангелию от Матфея. Например, призывая монахов отказаться от всего мирского, игумен, если верить Нестору, часто говорил им: «Не пецьтеша, что темъ или что емъ или въ что облечемъся: вестъ бо отецъ вашъ небесный, яко требуетъ вься си обаче ищите цесарства небеснаго и си вься приложатся вамъ»⁴⁵. Перед нами — прямая цитата: «Итак, не заботьтесь и не говорите: “Что нам есть?” или: “Что пить?” или: “Во что одеться?” Ищите же прежде царства Божия и правды его, и это все приложится вам»⁴⁶. Другой фрагмент из наставлений Феодосия монашествующей братии: «Не пьцетеша ни о чемъ же и съмотри же пьтиць небесныхъ, како не сеють, ни жьнють, ниже събирають въ житьница своя, нь отьць небесный питаеть я»⁴⁷. Это является прямым заимствованием из Священного Писания: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы и отец небесный питает их»⁴⁸.

Прямое цитирование можно встретить и в патерике. В похвале Феодосию Печерскому игумен прямо сравнивается с апостолами: «Другый же путь, иже Христос учеником показа рекъ: “Аще кто оставит отца и мать, грады и села стократницею приметъ зде, в будущий векъ — царство небесное”»⁴⁹. В синодальном переводе Евангелия от Матфея текст звучит следующим

³⁹ Житие Феодосия Печерского.

⁴⁰ Дн. 15: 36, 39–41.

⁴¹ Киево-Печерский патерик. С. 460.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 474.

⁴⁴ Там же. С. 592. Ср.: Мф. 8: 2–4, Лк. 5: 12–14, Мр. 1: 40–44.

⁴⁵ Житие Феодосия Печерского. С. 378.

⁴⁶ Мф. 6: 31, 33.

⁴⁷ Житие Феодосия Печерского. С. 414.

⁴⁸ Мф. 6: 26.

⁴⁹ Киево-Печерский патерик. С. 456.

образом: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»⁵⁰.

Частыми на страницах Киево-Печерского патерика и Жития Феодосия Печерского являются упоминания библейских притчей. Используя прием олицетворения, авторы указанных выше произведений переносят абстрактные слова Христа на вполне конкретных людей, вкладывая, таким образом, в их поступки и речи определенный смысл. Так, в Житии Феодосия Печерского Нестор сравнивает себя с рабом из одной из притчей, рассказанных Христом своим ученикам: «Злыый рабе, ленивый, подобашети дати сребро мое търженикомъ, и азъ пришедъ быхъ съ лихвою истязалъ я»⁵¹. Похожее выражение находим в Евангелии от Матфея в притче о господине и рабах: «Посему надлежало тебе отдать сребро мое торгующим, и я пришед получил бы мое с прибылью»⁵². На наш взгляд, Нестор использует прямую цитату из Евангелия, стремясь, таким образом, в иносказательной форме сказать, что, кроме него, о жизни святого Феодосия Печерского написать было некому. Все собранные им сведения о Феодосии Нестор сравнивает с серебром, которое не приносит прибыли хозяину — это просто знание, доступное только узкому кругу посвященных. А если он отдаст это серебро в рост — напишет о жизни святого, то сделает Феодосия знаменитым по всей Руси, и знание вернется с прибылью.

В другом сюжете Жития Феодосия Печерского упоминается фрагмент библейской притчи о сеятеле: «Святый убо си наставникъ сице творяше къ симъ и учааше вьсю братию. Они же, яко земля жажущия воды, тако приимаху словеса его, приносяше трудовъ своихъ плоды къ Господу: овъ съто, овъ же 60»⁵³. Подобное находим в Евангелии от Марка: «А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат»⁵⁴. Скорее всего, это сравнение Феодосия с сеятелем, «сеющим слово», понадобилось для того, чтобы подчеркнуть значимость фигуры Феодосия и его поучений в организации монашеской жизни в Киево-Печерском монастыре.

Говоря об основании монастырской церкви и пытаясь подчеркнуть ее божественное происхождение, авторы патерика вновь прибегают к цитированию Евангелия от Матфея: «И на семь камени съгради господь церковь сию, и врата адова не одолеютъ ей»⁵⁵. «И на сем камне я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее»⁵⁶.

В сказании об освящении Печерской церкви находим косвенное цитирование одного из Давидовых псалмов. Так, в патерике написано: «“Възмете, врата, князи ваши”, и не бысть никого же въ церкви, иже бе отпелъ “Кто сей есть царь славы”, бе бо ни единаго въ церкви оставиша, дивящим бо ся, имъ епископъску приходу. И бысть глас изъ внутрь церкви, яко аггелескъ: “Кто сей есть царь славы”»⁵⁷. В Псалтыри находим более полный текст: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь Славы: “Кто сей царь Славы? — Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани”. Поднимите, врата, верхи ваши, и, поднимитесь, двери вечные и войдет Царь Славы: “Кто сей Царь Славы? — Господь сил, он — Царь славы”»⁵⁸. Цитируя этот псалом, авторы сказания, возможно, пытались показать значимость Печерской церкви: раз уж даже божественные силы принимают участие в ее освящении.

Вообще для авторов патерика характерно уподобление Киево-Печерского монастыря Царству Божьему на земле. Несколько примеров такого рода встречаем в послании епископа Симона к печерскому черноризцу Поликарпу: «Печерьскый бо манастырь море есть и не держитъ в себе гнилаго, но измещет вьнь»⁵⁹. Эта строка из письма Симона перекликается с Евангелием от Матфея: «Подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и

⁵⁰ Мф. 19: 29–30.

⁵¹ Житие Феодосия Печерского. С. 354.

⁵² Мф. 25: 27.

⁵³ Житие Феодосия Печерского. С. 384.

⁵⁴ Мр. 4: 20.

⁵⁵ Киево-Печерский патерик. С. 424.

⁵⁶ Мф. 16: 18.

⁵⁷ Киево-Печерский патерик. С. 432.

⁵⁸ Пс. 23: 7–10.

⁵⁹ Киево-Печерский патерик. С. 480.

захватившему рыб всякого рода, который когда наполнился, вытащили на берег и севши хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон»⁶⁰. Еще одна фраза Симона — «Всю сию славу и честь въскоре яко коль бых, и аще бы ми трескою торчати за враты или сметием помятену бытии въ Печерском монастыри и попираему человекеы, или едину бытии от убогих пред браты честныя тоя Лавры и сътворитися просителю, то лучши бы ми временныя сия чести»⁶¹ — перекликаются с 26 псалмом: «Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме господнемъ во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм его»⁶².

Таким образом, применение герменевтического подхода дает нам основание говорить о том, что значительную часть Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика составляют цитаты из других, чаще всего, переводных агиографических памятников и из Библии, которые для самих авторов и читателей служили своего рода ключом к пониманию смысла произведения. Широкое использование цитат указывает на центонно-парафразный характер этих произведений. Обращение к текстам, фрагменты которых использовались при создании нового произведения, позволяет современному исследователю использовать цитаты в качестве важных источников информации об идеях, которыми руководствовались создатели памятников древнерусской агиографии. Указанные особенности житийной литературы заставляют относиться с известной осторожностью к любым попыткам реконструкции начальной истории Киево-Печерского монастыря и повседневной жизни его обитателей.

Summary

The article is devoted to the new method of the studying and interpretation of the original works of the old Russian literature about the Premongolian monks.

⁶⁰ Мф. 13: 47–48.

⁶¹ Киево-Печерский патерик. С. 484.

⁶² Пс. 26: 4.